

ЛИЧНОСТЬ В ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

DOI: 10.46725/IW.2021.1.3

И. М. Эрлихсон

КОНЦЕПЦИЯ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВОПОРЯДКА И СВОБОДЫ В ПОЗДНЕЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ Г. ФИЛДИНГА

Введение

Актуальность. В середине XVIII в. дискуссия о направлениях и формах реформирования британской системы уголовного правосудия перешла в бурную общественную полемику, выразившуюся в многообразии и массовости памфлетов, эссе и размышлений на предмет назревшей реформы уголовного правосудия. В 1972 году английский социолог Стэнли Коэн ввел и обосновал понятие «моральная паника», прочно вошедшее в терминологию академических дисциплин, изучающих образцы и нормы социального поведения. Категория «моральной паники» в трактовке Коэна подразумевает следующее: «Время от времени общество переживает периоды моральной паники. Обстоятельства, случайности, группы людей объявляются угрозой общепринятым ценностям и интересам, их природа представляется

© Эрлихсон И. М., 2021

Эрлихсон Ирина Мариковна — доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений, Рязанский государственный университет им. С. А. Есенина, i.erlihsn@365.rsu.edu.ru (Dr. Sc. (History), Associate Professor, Professor of the Department of General History and International Relations, Ryazan State University named after S. A. Yesenin).

в стилизованной и стереотипированной манере средствами массовой информации; редакторы, епископы, политики и другие правильно мыслящие люди сооружают моральные баррикады; обличенные доверием эксперты ставят диагнозы и выписывают рецепты, положение ухудшается, проблема становится еще более явственной. Иногда предмет, вызвавший панику, нов, иногда это что-то существовавшее в течение долгого времени, в какой-то момент приобретшее более выпуклые очертания. Порой паника проходит, оставив следы в фольклоре и коллективной памяти, а порой приводит к более серьезным последствиям, таким, как изменения в политическом и социальном регулировании»¹. Н. Роджерс на обширном источниковом материале обосновал тезис о том, что демобилизация моряков после окончания войны за Австрийское наследство 1740—1748 гг. привела к беспрецедентному росту смертных приговоров, выносимых судьями Олд-Бейли, и в то же время пришел к заключению, что пресса после 1748 г. явно преувеличивала уязвимость состоятельных лондонцев и создала моральную панику, непропорциональную реалиям².

Постановка вопроса. В контексте вышесказанного возрастает интерес к судебной практике середины XVIII в. и к деятельности конкретных судей. В этом отношении интерес вызывает деятельность и интеллектуальное наследие Генри Филдинга, датируемое рубежом 1740—50 гг., когда выдающийся драматург и романист занимал должность мирового судьи Вестминстера и Мидлсекса. Богатый опыт работы в области политической журналистики и юриспруденции позволил ему не просто бороться с лондонской преступностью, а разрабатывать идейно-концептуальные основы британской правоохранительной практики.

Цель настоящей публикации — показать, как Г. Филдинг в поздней публицистике развивает концепцию гражданского правопорядка и свободы с опорой на собственный судебный опыт.

Методология и методы исследования. При подготовке работы использованы специальные исторические и источниковедческие методы. Биографический — позволил реконструировать жизнь Г. Филдинга, показать этапы его судейской и журналистской практики, а также основные вехи его идейного развития. Применение метода дискурс-анализа сориентировало на рассмотрение текстов избранного драматурга и романиста сквозь призму

его речевой деятельности в конкретных общественно-политических и культурно-исторических условиях. Историческая интерпретация (или истолкование) текста позволила (насколько это возможно с учетом временной и культурной дистанции) понять смысл, который вкладывал Филдинг в свои трактаты. Метод исторического синтеза нацелил на рассмотрение изучаемого наследия английского судьи и журналиста как явления культуры своего времени и помог автору настоящей статьи обобщить результаты исследования.

Источниковедческий обзор. В основание источниковой базы настоящей публикации положены малоизученные в отечественной историографии трактаты Г. Филдинга «Обращение к Большому жюри», «Истинное состояние дела Босаверна Пенлеза» и «Исследование причин участвовавших преступлений». Так как учитывалась журналистская деятельность Филдинга, важное место в подготовке статьи заняли материалы прессы.

Лондонская периодическая печать была не только источником ценных сведений о криминальных происшествиях, но и своеобразным маркером, показывающим общественное отношение к институтам английской уголовной юстиции. Ее представители на всех уровнях — от мировых судей до ночной стражи, подвергались жёсткой критике, под прицел которой чаще попадали индивидуальные действия должностных лиц, чем сама система в целом. В особенно неприглядном виде представляли ночные стражники во главе с констеблями, в чьи полномочия входило патрулирование улиц и реагирование на чрезвычайные происшествия. Раньше эта обязанность была возложена на домовладельцев прихода, выполнявших ее в порядке ротации на безвозмездной основе. Начиная с 1730-х гг. в соответствии с парламентским законодательством труд ночных стражников перешел в категорию оплачиваемых профессий, и границы охраняемых ими улиц из сердца Лондона Сент-Джеймс, Пикадилли и Сент-Джордж, Ганновер-сквер чрезвычайно раздвинулись и к концу XVIII столетия охватывали большую часть города. Пресса и публицистика рисуют достаточно неприглядную картину, позволяющую судить о профессионализме стражей правопорядка. Например, в июле 1749 г. *London Evening Post* сообщала, что задержанный уличный грабитель сбежал буквально со сторожевого поста на Лиденхолл

стрит благодаря содействию членов банды. Анонимный памфлетист, по-видимому, впечатленный обилием негативной информации в прессе, резюмировал следующее: «Наши газеты, и это подтвердит внимательный читатель, убеждают нас, что большинство ограблений домов и частных персон происходят на виду и слуху ночных стражников, либо подкупленных, либо абсолютно слепых и глухих, иначе, чем можно объяснить то, что они закрывают глаза и уши на преступления, совершаемые рядом с их постами»³.

Иногда поведение стражников, и особенно констеблей, рассматривалось в контексте деятельности мировых судей, от которых требовали жестко контролировать подвластных им должностных лиц. Чтобы не выходить за рамки настоящего исследования, отметим, что на сегодняшний день существует много авторитетных работ англо-американских историков, посвященных отображению криминальной информации в английской журналистике XVIII в. К примеру, Эстер Снелл, справедливо отмечая «ненасытный аппетит» изданий XVIII в. к преступлениям, все же делала вывод, что в процентном выражении соотношение материалов о нераскрытых из-за попустительства должностных лиц и раскрытых правонарушений, где виновные понесли заслуженное наказание, можно расценивать как «пятьдесят на пятьдесят», что было убедительно доказано ею на примере контент-анализа материалов газеты *Kentishpress* в 1717—1768 гг.⁴

Основная часть

Генри Филдинг — мировой судья Вестминстера и Мидлсекса

Как отмечалось выше, мировые судьи часто становились объектом критики, как например знаменитый Томас де Вейль, в 1729 году вошедший в коллегию мировых судей Вестминстера и Мидлсекса и пробывший в ней до самой смерти в 1746 году. В течение семнадцати лет он был самым активным судьей в Лондоне, и, хотя его часто обвиняли в коррупции, в том числе

протекции борделей, Вейль никогда не был публично уличен в противозаконных действиях.

Когда де Вейль умер, правительству трудно было найти достойную кандидатуру. Власти, прекрасно осознавая стратегическую важность Вестминстера, следили за тем, чтобы в списки магистратов попадали только лояльные кандидаты, способные проводить правительственные решения и принимать необходимые меры, даже если они будут непопулярны среди населения.

В конце концов, его место занял Генри Филдинг. Здесь следует обратиться к обстоятельствам жизни писателя, побудившим его к смене профессиональной деятельности. В 1737 г. правительство приняло «Акт о цензуре», согласно которому театры могли существовать, только имея королевскую лицензию. Все пьесы должны были проходить предварительную цензуру. Филдинг прекратил писать для театра, и ему пришлось задуматься о более надежной профессии со стабильным доходом.

В 1737—1740 гг. он проходил обучение в старинной юридической школе в Среднем Темпле, получив квалификацию барристера. Драматург и литературный критик Артур Мерфи в знаменитом эссе «О жизни и гении Генри Филдинга, эсквайра», предварившем изданное под его редакцией собрание сочинение писал, что «если он чего-то желал, то желал это с неистовой страстью»⁵. Через двенадцать лет Филдинг будет с «неистовой страстью» очищать улицы Лондона от преступных элементов, а пока он усердно штудировал сборники судебных решений, протоколы, словари, составлявшие фундамент юридического образования. «Свои планы Филдинг осуществил с похвальной быстротой: 20 июня 1740 г. он получил право адвокатской практики. На что другие потратили бы шесть-семь лет, он совершил за неполных три года»⁶. В течение последующих лет Филдинг посещал выездные сессии в графствах Юго-Западного округа, наработывая адвокатскую практику и набирая материал для будущих произведений.

Годы жизни Филдинга, предшествовавшие его назначению на Боу-стрит, были отмечены особой активностью в сфере публицистики, литературного творчества. Он руководил еженедельной газетой «Истинный патриот», которая между ноябрем 1745 и июнем 1746 гг. вышла в свет тридцать три раза. В 1747—1748 гг. он выпускает еженедельник «Якобитский журнал», выступая

от имени Джона Тротт-Пледа, эсквайра, откровенного якобита. Филдинг объяснял, что ироническая маска предполагалась для высмеивания глупости людей, руководствующихся якобитскими принципами. Хотя, справедливости ради, надо отметить, что очень немногих лидеров оппозиции в 1747—1748 гг. можно было заподозрить в якобитских симпатиях особенно после заключения соглашения в Экс-ла-Шапеле, по которому Франция обязалась выслать претендента из Парижа.

Что же касается его адвокатской деятельности, то, хотя, по его признанию, он и применил себя к своей профессии с самым усердным старанием, едва ли она служила стабильным источником дохода и оправдала надежды в плане пополнения семейного бюджета. Как писал биограф Филдинга М. Годден, «необходимость обеспечивать семью и мрачный призрак нищеты стоили принятия невысокого поста и тяжелых обязанностей магистрата на Боу-стрит»⁷. В октябре 1748 г. он занимает должность мирового судьи в округе Вестминстер. 8 ноября в *London Evening Post* появляется сообщение, что ныне несуществующий «мистер Тротт-Плед может ужасно упрочить свое положение в должности судьи», а спустя четыре недели после этого объявления имя «судья Филдинг» появилось в полицейской сводке за 10 декабря, где сообщалось, что он отправил трех воров в тюрьму, а одного освободил под залог после двухчасового разбирательства. Примечательно, что общественное мнение упорно воспринимало Филдинга, в первую очередь, как литератора, что закономерно, ведь в декабре этого же года комедии «Мисс Люси», «Хлоя», «Служанка-интриганка», комедии с Китти Клайв в главной роли, были сыграны не менее девяти раз на подмостках Друри-Лейн.

Очевидно, масштабы Вестминстера были недостаточны для того, чтобы удовлетворить жажду деятельности Филдинга, поэтому он решил расширить свои полномочия на графство Мидлсекс: «Тогдашняя практика позволяла человеку занимать одновременно судейские посты в городе и в графстве, тем более что в данном случае юрисдикция графства простиралась вплоть до центра Лондона, где имелись такие рассадники порока, как кварталы Сент-Джайлз и Сент-Джордж»⁸.

Имущественный ценз для занятия должности окружного судьи составлял владение земельным участком стоимостью

100 фунтов в год. Долгие годы единственным имуществом Филдинга было его перо, и потому он прибег к патронажу герцога Бедфорда, чьи достоинства получили высокую оценку в Посвящении к «Приключениям Тома Джонса».

«Боу-стрит, 13 декабря, 1748.

Милорд,

Я стольким обязан Вашей Светлости, что отдам долг, как только позволит моя подагра, и, памятуя Вашу благосклонность, я позволю вновь обратиться к ней. Деятельность мирового судьи в Вестминстере ничего не стоит без округа Мидлсекс. Я не могу полностью посвятить себя службе, занимая лишь одну должность. Это, к сожалению, требует обладания тем, чего у меня нет. Я знаю, в собственности Вашей светлости есть пустующий дом, который стоит на улице Бедфорд, стоимостью 70 фунтов в год. Требуется триста фунтов, чтобы произвести там ремонтные работы.

Если Ваша светлость будет столь любезен сдать мне в аренду этот дом с другими жилыми помещениями за тридцать фунтов годовой платы на срок 21 год, этого будет достаточно для получения мной необходимой квалификации. Я выплачу полную стоимость аренды в соответствии с оценкой, которую даст любое лицо, назначенное Вашей Светлостью. Единственное одолжение, о котором прошу, чтобы мне было позволено внести сумму в течение двух лет, разбив ее на четыре равных полугодовых платежа. Я отремонтирую дом как можно скорее, и улучшение хотя бы малой части имущества Вашей Светлости составит мое счастье и удачу.

Если Ваша Милость выразит согласие, я буду вечно молиться за Вас, и искренне надеюсь, что Вы не потеряете ни фартинга, оказав мне эту услугу.

Самый послушный и покорный слуга. Г. Филдинг»⁹.

Герцог нашел лучший способ помочь Филдингу, чем сдать в аренду ветхий дом на Бедфорд-стрит, о чем свидетельствует зафиксированная в приходских регистрах Мидлсекса от 13 января 1749 г. присяга Генри Филдинга в качестве нового

судьи Мидлсекса, где в согласии с цензом были подтверждены его имущественные права на земельные участки, расположенные в приходах Ковент-Гарден, св. Мартина — в полях, и св. Джайлса — в полях, Св. Георгия — в Блумсбери.

В приходских регистрах Мидлсекса содержится заявление от 5 апреля 1749 г. за подписью Генри Филдинга о неверии в доктрину Пресуществления; всеобъемлющая клятва верного служения королю Георгу и отречения от короля Джеймса; декларация, направленная против власти Святого престола; и клятва истинной верности королю Георгу. Клятвы были приняты и заверены двумя заслуживающими доверия свидетелями. «С этого момента начался последний пятилетний этап бурной жизни Филдинга, годы, посвященные борьбе с преступлением, на алтарь которой в конечном итоге было положено и принесено в жертву здоровье великого романиста... Его гений и патриотизм позволили ему из убогой комнаты суда на Боу-стрит начать реформы в тех областях, которых еще пока не коснулась рука филантропов»¹⁰.

Друзья Филдинга отнеслись к его назначению с изрядной долей скепсиса, и даже его недруги сочли необходимым выразить ему сочувствие. Поэт Пол Уайтхед в предисловии к сатире «Письмо к д-ру Томсону» привел анекдот, который, даже если и не являлся истинным, все же наглядно демонстрирует отношение к бывшим литераторам, облачившимся в судейскую мантию: «Говорят, когда мистер Аддисон был государственным секретарем, его старый друг и соратник Амброуз Филлипс попросил его о протекции, на что этот великий человек довольно холодно ему ответил, что он уже посодействовал получению им должности мирового судьи в Вестминстере. Тогда поэт с негодованием воскликнул: “Поэзия была ремеслом (*trade*), которое *не могло* составить источник его существования, а теперь же все смеются над тем, что его новое ремесло *не должно* быть таковым”»¹¹. Думается, Филдинг отдавал отчет, какие соблазны таит его новая должность, а также и то, что его предшественники порядком дискредитировали ее. Отголоски этого можно встретить в «Дневнике путешествия в Лиссабон», написанном уже после того, как он передал свои полномочия брату: «Один из моих предшественников, помню, хвалился, что зарабатывал в своей должности 1000 фунтов в год; но как он это делал (если, впрочем, не врал) — это

для меня тайна. Его (а ныне мой) секретарь говорил мне, что дел у меня столько, сколько до меня не бывало; я и сам знаю, что их было столько, сколько в силах провести человек. Горе в том, что оплата, если она и причитается, такая низкая и столько делается задаром, что, если бы у одного мирового судьи хватало дел, чтобы занять двадцать секретарей, ни сам он, ни они не зарабатывали бы много»¹².

Биограф Филдинга Пэт Роджерс абсолютно справедливо отмечает, что современный ему уровень юриспруденции не позволял уверенно отделить «законченных негодяев» от горемык и злосчастных жертв общественного распорядка. «С самого начала Филдинг показал себя строгим судьей, хотя в нашем распоряжении есть свидетельства, что он в то же время оставался справедливым (можно добавить: справедлив — в рамках системы)»¹³.

В «Полной истории английской сцены» Ч. Дибдина и газете *General Advertiser* приводятся два показательных эпизода, демонстрирующих принципиальный, но гибкий подход Филдинга к исполнению должностных обязанностей. Некто Кенрик, ранее прославившийся злобным пасквилом в адрес Дэвида Гаррика¹⁴, написал сатиру «Радость» (*Fun*), где были задеты несколько публичных персон, включая Филдинга. Пьеса была поставлена в обход Акта о цензуре 1737 г. в таверне «Дворец» на Патерностер-Роу (Сити). Информация о незаконной постановке немедленно дошла до Филдинга, который вместе с несколькими констеблями «отравил *радость* мистера Кенрика», арестовав автора, артистов и зрителей прямо в день премьеры. Но Филдинг знал, когда нужно проявить жесткость, а когда снисхождение. Когда же в апреле 1752 г. несколько подмастерьев и служанок сняли комнату в трактире «Черная лошадь» в Стрэнде для репетиции трагедии «Сирота», судья Филдинг выдал ордер на арест констеблю Уэлчу. Как сообщает газета, незадачливые актеры прямо в театральных костюмах были доставлены на Боу-стрит, где судья, учитывая их юность и отсутствие злого умысла, отпустил с миром после нравоучительной беседы.

Генри Филдинг и дело Босверна Пенлеза

Любые правовые явления и процессы, в том числе правонарушения, подвержены циклическим колебаниям, в которых обязательно наличествует фаза критического состояния: «К примеру, циклический характер преступности достаточно четко эмпирически фиксируется и отражается в теории значительным числом исследователей»¹⁵. Действительно, в обширной криминологической литературе наличествует идея о росте преступности как циклически развивающемся тренде. Циклы динамики преступности — это неизменный элемент правового развития общества, негативная детерминанта, стимулирующая развитие уголовного законодательства и правоприменительной практики. Целый комплекс биологических, социальных, политических и экономических факторов влияет на количественную и качественную динамику преступности: «В георгианскую эпоху с началом войны количество процессов по обвинению в кражах и разбоях в Олд-Бейли резко уменьшалось, тогда как ее окончание знаменовало увеличение числа уголовных преследований. Месяцы, предшествовавшие заключению мира и следовавшие за этим в 1713, 1748, 1763, 1783 гг., были отмечены волнообразным ростом преступности, смертных приговоров, а также всеобщей озабоченностью криминальными проблемами. Короткие периоды послевоенной паники имели долговременный эффект, приводя к существенным изменениям в законодательстве»¹⁶.

Так или иначе, назначение Филдинга пришлось на пиковую точку цикла роста преступности, когда криминальный разгул на улицах Лондона достиг апогея. 12 мая 1749 г. он был выбран председателем квартальной сессии в Хикс-Холле, а 29 июня он впервые выступил на открытии сессии большого жюри Милдсекса с речью, опубликованной спустя три недели. По оценке Ф. Лоренса, «речь Филдинга апеллирует как к профессионализму юристов, так и к чувствам простого читателя. Если первый восхитится глубиной его познаний и четкости изложения принципов права, то второй будет приятно удивлен тем, как живо преобразуются сухие юридические максимы под пером мастера изысканной прозы и непревзойдённого оратора»¹⁷. Сетую на сумасбродство республиканцев, глупость якобитов и злобу разочарованных,

Филдинг утверждал, что под властью Георга II англичане пребывают в состоянии свободы, не утруждая себя тем, чтобы вникнуть в истинное значение этой категории и по достоинству оценить преимущества своего положения: «Боюсь, джентльмены, что мало кто обладает верным представлением о понятии “свобода”, которое у всех на устах. Быть свободным — значит наслаждаться жизнью, собственностью и самим собой (*person*), быть хозяином себе и тому, чем ты обладаешь, в той степени, насколько это позволяют законы нашей страны, подвергаться только тем взысканиям и наказаниям, которые предписывают эти законы. Найдется ли человек, столь невежественный, чтобы отрицать, что это описание свободных людей, или низкий настолько, чтобы бросить мне упрек в лести и восхвалении власти?»¹⁸ Свобода, продолжал Филдинг, сродни здоровью, которое ценят только тогда, когда оно частично или полностью потеряно.

Особенно возмущение свежеиспеченного магистрата вызывала терпимость, проявляемая по отношению к публичным домам, которые, по его словам, превратились в семинарии, где молодежь получала соответствующее образование, обучаясь распутству в самых изощренных формах. По злой иронии 1 июля 1749 г., спустя два дня после его триумфального выступления в Вестминстере, в Лондоне вспыхнули беспорядки, которые начались с погрома, устроенного демобилизованными моряками в публичном доме «Звезда», принадлежавшем некоему Питеру Вуду. Волнения продолжались несколько дней, на протяжении которых разъяренная толпа совершала акты вандализма, устраивала поджоги, забрасывала камнями представителей закона, атаковала частные владения, в том числе особняк на Боу-стрит, откуда были освобождены несколько арестованных. Филдингу даже пришлось обратиться к военному министру с просьбой выделить дополнительные войска для охраны судебного помещения. Вместе со старшим констеблем Сондерсом Уэлчем он координировал работу вооруженных патрулей в Стрэнде и других частях Лондона до тех пор, пока порядок не был восстановлен.

В числе семи человек, проходящих по этому делу, оказался юноша по имени Босаверн Пенлез, задержанный констеблями 3 июля недалеко от злосчастной «Звезды», от которой, по свидетельствам современников, остался едва ли не один фундамент.

В то время как другие были оправданы, Пенлез, у которого в момент ареста обнаружили «два кружевных чепца, четыре кружевных носовых платка, четыре пары кружевных манжет, два кружевных отреза, пять простых и один кружевной фартук, которые по свидетельству супруги Питера Вуда, принадлежали ей»¹⁹, испытал на себе всю строгость закона. В соответствии с положениями Акта о мятеже от 1714 г.²⁰, а также учитывая то, что стоимость предметов превышала сорок шиллингов, Пенлезу вынесли смертный приговор, приведенный в исполнение 18 октября 1749 г.

«История эта получила широкий резонанс. Не только потому, что в карьере Филдинга-судьи она отметила самый драматичный момент, но потому, что его имя вдруг высветилось с разных сторон. Дело Пенлеза проходило в контексте более широких политических разногласий, и Филдингу пришлось выслушивать критику из самых разных кругов. Оппоненты донимали судью, поскольку и в узко юридическом смысле ряд вопросов оставался не ясен. Не лжесвидетельствовал ли Вуд против Пенлеза? В должной ли форме прошло чтение Закона о мятеже? Замешан ли Пенлез в беспорядках или в грабеже? Ставилась под сомнение и сама оценка событий: так ли уж было необходимо вызывать войска? И наконец: громя публичные дома в собственной речи — зачем потом удерживать толпу?!»²¹

Чтобы ответить на все эти вопросы Филдинг 25 ноября 1749 г. публикует статью в «Лондонском обозрении» (*London Review*), которая впоследствии была расширена до памфлета с внушительным названием «Истинное состояние дела Босаверна Пенлеза, пострадавшего в связи с последним мятежом в Стрэнде; в котором были полностью соблюдены закон о соответствующем виде преступления и статут Георга, обыкновенно именуемый Актом о мятеже». По Акту 1714 г. местные власти обладали правом разгонять любую «беззаконную, беспутную и буйную толпу», коей признавалась группа более чем из двенадцати человек. Городские магистраты обязаны были зачитать собравшимся формулировку: «Боже, храни короля», и они должны были разойтись в течение часа под страхом смертной казни. Филдинг делает экскурс в историю той части английского законодательства, которая регулировала

область политических преступлений, квалифицируемых как *государственная измена* (hightreason). Он приходит к выводу, что Акт о мятеже органически вписан в английское законодательство, беря начало со статута Эдуарда III «О государственной измене» (1351), усовершенствованного его преемниками, в силу обстоятельств вынужденных заниматься кодификацией этого серьезного правонарушения. Сам Филдинг признавался, что, хотя за тридцать четыре года на его памяти только два примера применения этого закона²², он снискал недобрую славу у его современников.

Для опровержения преимущественно негативного восприятия закона в прессе и среди юристов²³ Филдинг конструирует блестящую апологию, позиционируя Акт о мятеже фактически как фундамент общественной безопасности: «Как может повернуться язык назвать его угнетающим? Разве не является он самым необходимым из всех существующих ныне законов для сохранения и защиты народа? — восклицает Филдинг, — Ни один другой статут в столь ничтожной степени не затронут печатью деспотизма и не пребывает в такой согласии с нашей конституцией и духом законодательства. Нет ничего более ошибочного или злонамеренного, чем утверждение, что этот статут несет угрозу свободе. Он стоит на страже общественного спокойствия и личной безопасности, но, если интересы государства и народа входят в противоречие, первое теряет преимущество в силу утраты мощи и ослабления безопасности»²⁴.

Итак, резюмирует Филдинг, на основании свидетельств незаинтересованных лиц, «чья честность не вызывает сомнений», каждый беспристрастный и разумный человек логически приходит к следующим выводам. Мятеж был очень опасен, и, если подобное повторится, последствия будут сложно предсказать. Филдинг дает великолепное описание толпы: «ни одно правительство не может снисходительно относиться к бесчинствам этих варваров, громящих дома, оскорбляющих и грабящих их владельцев, разрушающих тюрьмы и освобождающих оттуда своих собратьев — негодяев, оказывающих сопротивление власти и тем, кто ей содействует»²⁵. Те, кто ропщет на излишнюю суровость правительства, обвиняя его в нарушении свобод подданных, попадают в самое уязвимое место.

Что же до злых языков, которые упрекали судью чуть ли не в протекции публичным домам, то Филдинг абсолютно справедливо парировал, что толпа настолько импульсивна и непредсказуема в своих настроениях, что ее ярость в любой момент может направиться на что угодно или на кого угодно. «Гнев в отношении непотребных заведений с легкостью превращается в протест совершенно иного рода, и, например, ювелиры могут быть признаны такой же угрозой общественному порядку, как и шлюхи и их покровители. Истинно то, что мятежниками двигали жестокость и распушенность, а сами они жалкие воры под лицемерной маской ревнителей нравственности»²⁶. Его мысль кристально ясна: публичные дома — это зло, с которым надо бороться в рамках существующего правового поля, в противном случае обществу наносится еще больший урон: «Разве может человек, находясь в здравом рассудке, сочувствовать акту беззакония на том основании, что якобы он исходит из благородных и заслуживающих похвалы побуждений?»²⁷

***«Исследование причин участвовавших преступлений»
Г. Филдинга (1751 г.)***

Усугубляющаяся криминогенная обстановка, по мнению Филдинга, есть не что иное, как прямое следствие искаженного мировоззрения, покоящегося на абсолютно «диких представлениях о свободе, несовместимых с полноценным правительством»²⁸. Эту мысль он последовательно проводит в трактате «Исследование причин участвовавших преступлений» (1751 г.), одном из самых глубоких трактатов XVIII столетия, содержащих конкретные и конструктивные идеи по комплексу проблем организованной преступности в столице. В предисловии он приводит цитату из «Жизни Цицерона» К. Миддлтона (1741 г.): «Некогда римляне с высот своего могущества насмехались над варварством и нищетой нашего острова, и никто не мог предположить, что эта великая империя будет низвергнута в состояние ничтожества и поработчена самыми опасными тиранами — суеверием и религиозными предрассудками, в то время как эта страна, предмет их насмешек, станет оплотом свободы, изобилия и учености, искусств, пройдет тот путь, который прошел Рим:

от добродетельного прилежания к благосостоянию, от благосостояния к роскоши, от роскоши к разложению нравов, и, наконец, растеряв остатки добродетели, станет добычей завоевателя и погрузится в первоначальное варварство»²⁹.

Открывая свой трактат, Филдинг цитирует Цицерона, а именно его «Речь против Катилины»: «Поскольку похоть этих людей более не является умеренной, а их распутство — нечеловеческое и невыносимое, они не могут думать ни о чем, кроме убийств, поджогов и изнасилований»³⁰. Аналогию здесь, конечно, можно провести с текущим состоянием общественной морали в Лондоне.

Настойчивое обращение к Цицерону косвенно свидетельствует о политической позиции Филдинга. Сам он, декларируя привязанность к истинным интересам своей страны, отрицал приверженность к какой-либо партии, более того, он утверждал, что своими трудами стремится искоренить это слово из политического лексикона, ибо именно партийная борьба является источником бед и несчастий, угрожающих английской конституции. Цицерона постоянно цитировали в XVIII веке, считая его измышления идеальной моделью приверженности общественному благу. Р. Браунинг утверждает, что обращение к Цицерону было в целом правительственной стратегией, тогда как оппозиция считала Катона идеальным римским политиком³¹. Действия Цицерона против заговора Катилины в целом могли рассматриваться как модель патриотизма, но также они имели непосредственное отношение к вопросу о целесообразности использования правительством чрезвычайных мер. Филдинг считал, что политическая система поражена болезнью и коррупцией, и потому полагал расширение государственного вмешательства не предметом полемики, а первостепенной задачей, диктуемой общественным долгом.

Заключение

Не умаляя заслуг Филдинга-магистрата и борца со столичной преступностью, отметим его фундаментальный вклад в разработку актуальной общественной проблемы, касающейся трансформации политической структуры государства и сохранения гражданского правопорядка. Существование любого свободного государства было обусловлено циклами расцвета

и упадка, свойственными равно природным и общественным явлениям. Подъем и падение государств были краеугольной темой неоклассической политической мысли. Бесспорными авторитетами в этом вопросе были Аристотель и Полибий, которые определили три разные формы разумного управления: монархия, аристократия и демократия. Каждая из этих форм, в случае упадка государства, имела тенденцию к стремительному переходу в извращенную противоположную форму: тирания, олигархия или анархия. В этих государствах власть закона будет заменена деспотичной волей или насилием. Единственным способом предотвращения этого было смешение всех трех форм правления, которые могут поддерживать друг друга в балансе, не допуская тенденции к доминированию каждой из них. Ключевыми историческими примерами смешанных политических форм были Рим и Спарта. Великобританию с ее конституционной монархией часто сравнивали с Римом, прошедшим путь от добродетельной республики до коррумпированной диктатуры с целью избежать подобных ошибок в своем развитии.

Представители правительственной оппозиции употребляли эти сравнения в русле дискурса по поводу использования системы патронажа, создания регулярной армии или в качестве критики правящего класса за их расточительный образ жизни и пренебрежение общественным долгом. Филдинг же утверждал, во-первых, что роскошь скорее была проблемой бедных, нежели богатых, и, во-вторых, что состояние порабощения, противоположное свободе, может легкостью происходить равно от нападения преступных элементов и регулярной армии, бывшей популярной целью оппозиции.

Угроза гнета и, как следствие, страх быть ограбленным или убитым, были, с точки зрения Филдинга, более весомым уменьшением состояния свободы, чем угроза, проистекающая от потенциального вторжения в частное пространство со стороны государственных служащих, выполняющих правоохранительные функции. Если правительство бессильно справиться с растущей угрозой преступности, то общество живет под «дамокловым мечом» угрозы насилия. Любопытно, что идеям Филдинга были созвучны рассуждения известного английского филантропа Джонаса Хэнвея. Он утверждал, что неприятие полиции было

результатом тотального невежества, ведущего к самой худшей из форм рабства. Вторя аргументам Филдинга о том, что угроза преступления была сама по себе уже состоянием несвободы, Хэнвей заявлял, что на этой земле, так справедливо хвастающейся свободой, последняя осквернена ужасом, и честное законное владение собственностью омрачено грабежами. «Обладание свободой предполагает сопровождение последней (свободы) порцией благодетели: если обязанности субъекта, горожанина, христианина, и человека пренебрегаются теми, кого Провидение возвел в высокий ранг быть адвокатами, патронами и друзьями нуждающихся, что станет с их изощрёнными идеями о свободе?»³²

Именно Генри Филдинг фактически заложил теоретически-концептуальные основы британской правоохранительной практики, реализуемой его братом Джоном Филдингом на протяжении следующих десятилетий. Великий романист уловил тенденцию времени, заключающуюся в том, что состоятельные слои общества осознали необходимость пожертвовать частью своей *свободы ради безопасности* не в абстрактно-философском, а сугубо прагматичном смысле, означающем неприкосновенность жилища и сохранность движимого имущества вкупе со стремлением оградить себя от маргинальных групп.

Существование института профессиональной полиции должно быть обусловлено доверием общественности и ее **добровольным** участием в **добровольном** соблюдении закона. Это коренное отличие британской модели «*policing by consent*» (*охрана правопорядка по согласию*) от континентальной, что было закреплено в разработанных Робертом Пилем девяти принципах, ставших идеологической основой Акта о столичной полиции 1829 г.

Примечания

¹ Moral Panics, Social Fears, and the Media: Historical Perspectives / ed. S. Nicholas, T. O'Malley. N. Y., 2013. P. 11.

² Rogers N. The Press Gang: Naval Impressment and Its Opponents in Georgian Britain. N. Y., 2007.

- ³ *Ward R.* Print, culture, crime and justice in 18th century London. L., 2014. P. 135.
- ⁴ *Snell E.* Discourses of criminality in the eighteenth-century press: The presentation of crime in *The Kentish Post*, 1717—1768 // *Continuity and Change*. 2007. № 22. P. 13—47.
- ⁵ *Voogde de P. J.* Henry Fielding and William Hogarth. The correspondence of the arts. Amsterdam, 1981. P. 12—13.
- ⁶ *Роджерс П.* Генри Филдинг. Биография / пер. с англ. В. А. Харитонов. М., 1984. С. 58.
- ⁷ *Godden M. G.* Henry Fielding. A memoir including newly discovered letters and records with illustrations from contemporary prints. L., 1910. P. 196.
- ⁸ *Роджерс П.* Указ. соч. С. 103.
- ⁹ *Godden M. G.* Op. cit. P. 196—197.
- ¹⁰ *Ibid.* P. 199.
- ¹¹ *Lawrence F.* The life of Henry Fielding with notices of his writings, his times and his contemporaries. L., 1855. P. 233—234.
- ¹² *Филдинг Г.* Дневник путешествия в Лиссабон // *Филдинг Г. Избранные сочинения* / пер. с англ. В. А. Харитонов. М., 1989. С. 603.
- ¹³ *Роджерс П.* Указ. соч. С. 103.
- ¹⁴ *Гаррик Дэвид (1717—1779)* — английский актёр, драматург, директор театра Друри-Лейн.
- ¹⁵ *Барсуков А. Ю.* Циклическая динамика преступности сквозь призму циклов правового и экономического развития // *Вестник Нижегородской академии МВД России*. 2017. № 3. С. 252.
- ¹⁶ *Ward R.* Op. cit. P. 51.
- ¹⁷ *Lawrence F.* Op. cit. P. 26.
- ¹⁸ *Fielding H.* A Charge delivered to the Grand Jury // *Fielding H. An enquiry into the causes of the late increase of robberies and other robberies* / ed. by M. R. Zirher. Oxford, 1988. P. 18—19.
- ¹⁹ *Fielding H.* A true state of the case of Bosavern Penlez // *Ibid.* P. 46.
- ²⁰ An Act for preventing tumults and riotous assemblies, and for the more speedy and effectual punishing the rioters. 1714. 1 Geo. I. St. 2. c. 5 (так этот акт официально обозначается).
- ²¹ *Роджерс П.* Указ. соч. С. 111.
- ²² Первый пример был связан с премьерой фарса Филдинга «Эвридика» 19 февраля 1737 г. в Королевском театре Хеймаркета, когда группа людей устроила беспорядки и Верховный шериф Вестминстера зачитал Акт о мятеже и произвел несколько арестов. Второй пример, по видимому, был следствием выступлений против Акта о джине (1736)

- в 1738 г., когда возглавивший протест Роджер Аллен по настоянию Томаса де Вейля был осужден, но оправдан 10 мая 1738 г. (См.: *Memoirs of the life and times of Sir Thomas de Veil*. L., 1748. P. 35—48).
- ²³ Журнал *Craftsman* (№ 214, 30 августа 1730 г.) критиковал Акт о мятеже, как противоречащий принципу свободы, фундаментальному для английской конституции, а по мнению *London Evening Post* (2—4 ноября 1749 г.), которую Филдинг характеризовал как «издание с Граб-стрит», Акт о мятеже, предназначенный для искоренения «зародышей восстаний», ныне используется для наказания тупиц и невеж. Английский историк права У. Блэкстон в «Комментариях к законам Англии» отмечал, что Акт о мятеже способствовал значительному усилению власти Короны.
- ²⁴ *Fielding H.* A true state of the case of Bosavern Penlez. P. 46.
- ²⁵ *Ibid.* P. 57.
- ²⁶ *Ibid.* P. 57—58.
- ²⁷ *Ibid.* P. 58.
- ²⁸ *Fielding H.* An Enquiry Into the Causes of the Late Increase of Robbers etc. with Some Proposals for Remedying this Growing Evil. L., 1751. P. XXX.
- ²⁹ *Ibid.* P. XXXI—XXXII.
- ³⁰ *Ibid.* P. 3.
- ³¹ *Browning R.* Political and Constitutional Ideas of the Court Whigs. Baton Rouge; L., 1982. P. 52.
- ³² *Hanway J.* The Citizen's Monitor: shewing the necessity of a salutary police, executed by resolute and judicious magistrates, assisted by the pious labours of zealous clergymen, for the preservation of the lives and properties of the people, and the happy existence of the state. L., 1780.